

Н. А. Власов

СПОР О «ПЛАНЕ ШЛИФФЕНА»: ОБЗОР НАУЧНОЙ ДИСКУССИИ

В статье дается краткий обзор начавшейся в 1999 г. в научных кругах дискуссии о существовании «плана Шлиффена». В ходе масштабного спора были поставлены под сомнение не только сложившиеся в XX в. представления о германском стратегическом планировании накануне Первой мировой войны, но и тезис о главной ответственности Германской империи за развязывание вооруженного конфликта. Дискуссия, практически не нашедшая отражения в отечественной историографии, продолжается по сегодняшний день. В статье приводятся основные аргументы как ревизионистов, так и их противников и подводятся промежуточные итоги дискуссии. Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: Германская империя, стратегическое планирование, Генеральный штаб, план Шлиффена, Первая мировая война.

Vlasov Nikolay A.

“SCHLIEFFEN PLAN” DEBATE: REVIEW OF SCHOLARLY DISPUTE

The article outlines the scholarly dispute on the existence of Schlieffen plan opened in 1999. In the course of discussion there were questioned not only the established conceptions of German strategic planning before the First World War, but also the thesis of the German Empire primary responsibility for unleashing war. These continuing debates were actually not reflected in the domestic historiography. The aim of this paper is to consider the main arguments of revisionists and their opponents and summarize the interim conclusions of discussion. Refs 29.

Keywords: German Empire, War Planning, German General Staff, “Schlieffen plan”, First World War.

На протяжении всего XX в. на страницах практически каждой книги, посвященной Первой мировой войне, в обязательном порядке фигурировал так называемый «план Шлиффена». Под этим термином подразумевался германский план войны, изложенный в датированном декабрем 1905 г. меморандуме шефа Большого генерального штаба А. фон Шлиффена. Хотя меморандум Шлиффена касался войны против Франции, лежавшая в его основе концепция сохранялась почти в неизменном виде и в случае войны на два фронта, которую германская военная элита в начале XX в. считала наиболее вероятным вариантом предстоящего вооруженного конфликта.

Основная идея «плана Шлиффена» обычно описывается следующим образом: германская армия должна сосредоточить практически все свои наличные силы на западе, против Франции. При этом основная масса войск концентрировалась на правом фланге, на бельгийско-германской границе. Как писал Г. Куль, «почти все силы должны были, опираясь левым флангом у Меца и катясь одной общей лавиной через Бельгию и Северную Францию, совершать большой обход и, маневрируя, охватывать всякую встречающуюся на своем пути французскую позицию» [1, с. 162]. Конечной целью при этом являлось гигантское окружение всей французской армии — двигаясь в юго-западном направлении, немецкая ударная группировка должна была пройти в районе Парижа, после чего повернуть на юго-восток, прижав противника

Власов Николай Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; Ovb1@yandex.ru

Vlasov Nikolay A. — Ph.D., Associate Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; Ovb1@yandex.ru

к швейцарской границе. После разгрома французов, на который отводилось до шести недель, основную массу войск следовало перебросить на Восточный фронт. Это описание повторяется в бесчисленном множестве научных и научно-популярных работ, а также в учебниках для средней и высшей школы (см., напр.: [2, с. 39]).

В реальности германские войска вынуждены были в середине сентября 1914 г. после первоначальных успехов остановить свое продвижение. Быстрый разгром Франции не удался, после знаменитой битвы на Марне война перешла в позиционную стадию. В послевоенной литературе, особенно немецкой, неудачу часто объясняли личностным фактором: шеф Большого генерального штаба Г. фон Мольтке (младший), не поняв основную идею своего предшественника, слишком ослабил правый фланг, тем самым разрушив гениальную конструкцию Шлиффена; подполковник Хенч, отправившийся на передовую в критический момент битвы на Марне, передал в штаб-квартиру слишком пессимистическую картину происходящего, после чего был отдан неверный приказ об отступлении.

С этими выводами спорили другие исследователи, говорившие о том, что реализации плана помешал не только личностный фактор. Как писал А. Зайончковский, «причины поражения на р. Марне заложены несравненно глубже» [3, с. 183]. Тезис о «непогрешимости» «плана Шлиффена», выдвинутый после Первой мировой войны представителями германской военной элиты, был подвергнут жесткой критике. «В меморандуме Шлиффена нашла свое концентрированное выражение авантюристическая доктрина “блицкрига”, в которой наиболее рельефно проявилась характерная особенность политики и стратегии германского империализма — переоценка собственных сил и недооценка потенциальных возможностей вероятных противников», — писали отечественные авторы в капитальном труде «История Первой мировой войны» [4, с. 188].

В то же время само существование «плана Шлиффена» считалось достоверно установленным фактом. Как утверждал один из ведущих исследователей Первой мировой войны Д. Киган в 1999 г., «идеи, изложенные в меморандуме “Война против Франции”, стали своего рода завещанием Шлиффена перед его уходом в отставку с поста начальника Генерального штаба и продолжали оставаться основой всех последующих планов стратегического развертывания немецких войск» [5, с. 50].

Однако в том же году было положено начало весьма интересной дискуссии, в ходе которой под сомнение были поставлены казавшиеся незыблемыми факты истории Первой мировой войны в целом и германского военного планирования в частности. Под вопросом оказалось само существование «плана Шлиффена». Инициатором дискуссии стал отставной майор армии США Теренс Зубер, получивший после выхода в отставку историческое образование в ФРГ и опубликовавший в 1999 г. в авторитетном журнале «War in History» статью под названием «Пересмотр плана Шлиффена» [6]. Эта публикация положила начало спору историков, продолжающемуся по сегодняшний день.

В российской историографии этому спору не уделено практически никакого внимания. К примеру, в капитальном труде отечественных исследователей «Мировые войны XX века» повторяется классическая версия без всякого упоминания о разгоревшейся дискуссии [7, с. 76]. То же можно сказать и о более поздних работах. Исключение составляют лишь три небольшие публикации, среди которых нужно упомянуть в первую очередь две статьи М. Е. Ерина. В 2009 г. им опубликована

рецензия [8] на изданный Ведомством по изучению военной истории ФРГ сборник «План Шлиффена: анализ и документы», в котором основные участники дискуссии изложили свои аргументы [9]. В 2012 г. по материалам этого же сборника М. Е. Ерин опубликовал статью «Был ли План Шлиффена? Спор историков» [10]. Автор не использует большинство работ как Зубера, так и его оппонентов; кроме того, крайне незначительный объем обеих публикаций не позволяет в полной мере раскрыть тезисы участников дискуссии. Спор историков вокруг плана Шлиффена также коротко охарактеризован в обзорной статье О. Е. Алпеева и Д. Ю. Козлова, посвященной современной англоязычной историографии Первой мировой войны [11].

Возможно, отечественные исследователи пока не видят серьезных оснований для пересмотра устоявшейся концепции. Однако как характер, так и масштабы развернувшейся в западном научном сообществе дискуссии делают ее как минимум заслуживающей упоминания. Кроме того, как это часто случается, даже если основной тезис ревизионистов оказывается неверен, в процессе научного спора наши представления о прошлом значительно расширяются и обогащаются.

Дискуссия, начавшаяся полтора десятка лет назад, разворачивалась в основном на страницах журнала «War in History». Кроме того, стороны представили свои аргументы на страницах уже упомянутого сборника «План Шлиффена: анализ и документы» и в ряде монографий, о которых будет сказано ниже. Описание всего хода дискуссии получилось бы слишком пространным, поэтому в рамках данной статьи будут по отдельности представлены аргументы ревизионистов, возражения сторонников традиционной версии, а также подведен определенный промежуточный итог дискуссии.

Плана Шлиффена не существовало

«Плана Шлиффена никогда не существовало» — это предложение многократно повторяется в работах Т. Зубера [12, р. 219]. За полтора десятилетия американский автор опубликовал внушительное число работ, в которых обосновывает свой главный тезис. Спустя три года после упомянутой выше статьи увидела свет монография «Изобретая план Шлиффена: немецкое военное планирование 1871–1914» [12]. В 2004 г. была опубликована книга «Германское военное планирование: источники и интерпретация» [13]. Наконец, в 2011 г. увидела свет монография «Настоящий германский план войны, 1904–1914», написанная на основе изучения новых источников, ставших доступными в первом десятилетии XXI в. [14]. В 2000-е годы Зубер опубликовал также значительное число статей в журнале «War in History», в каждой из которых, как правило, отвечает на критику со стороны конкретного оппонента.

Основная идея Зубера заключается в том, что меморандум Шлиффена, написанный им незадолго до (или сразу же после) отставки, никогда не являлся основой германского военного планирования. Утверждение о непогрешимом «плане Шлиффена», позволявшем окружить и уничтожить французскую армию в ходе одной-единственной операции, было выдвинуто уже после окончания войны группой отставных офицеров Большого генерального штаба, стремившихся поддержать свою репутацию, оказавшуюся под угрозой. Поскольку и военный архив, и официальная историография находились под их контролем, им не составило труда скрыть документы, опровергавшие их версию. Как известно, 14 апреля 1945 г. английские

зажигательные бомбы уничтожили значительную часть документов Имперского архива в Берлине, в том числе относившихся к деятельности Большого генерального штаба. После этого проверить утверждение официальных германских военных историков стало невозможно, и миф о «плане Шлиффена» надежно закрепился в мировой историографии.

Однако в 1990-е годы в архивах бывшей ГДР были обнаружены некоторые документы, ранее считавшиеся утраченными. Среди них, в частности, есть манускрипт с описанием планов развертывания и выездных штабных игр (так называемых штабных поездок) Большого генерального штаба эпохи Шлиффена. Этот документ ясно демонстрирует, что до 1905 г. ничего похожего на гигантское окружение французской армии с обходом Парижа не планировалось. Зубер привлекает также документы, относящиеся к более позднему времени и свидетельствующие о том, что и после 1905 г. «ничто не указывало на какое-либо влияние так называемого плана Шлиффена» [14, р. 179]. Кроме того, Мольтке ни разу не проверял идею, лежащую в основе меморандума 1905 г., на выездных штабных играх. В основе германского военного планирования лежала совершенно иная идея, не имеющая отношения к знаменитому меморандуму.

Идея эта заключалась в том, чтобы сочетать оборонительные и наступательные действия и, умело маневрируя, разгромить французские войска в приграничном сражении. «Мышление Шлиффена двигалось в направлении использования предоставляемой железными дорогами мобильности для внезапных контрударов, окружения и уничтожения противника на своей территории или рядом с ней, а не глубокого проникновения на территорию противника» [12, р. 219]. Мольтке продолжал развивать эту идею, планируя в случае войны оборонительные действия. Согласно Зуберу, «это у российско-французского союза были наступательные планы, не у немцев. Реальное намерение Шлиффена, разделявшееся Мольтке, заключалось в контратаке против вторгшихся в Германию российско-французских сил» [12, р. 265].

Немецкие военные были реалистами и не рассчитывали одержать победу над Францией в течение шести недель; их задачей было, используя преимущество внутренних линий, перебрасывать войска с запада на восток и обратно, создавая локальный перевес сил и нанося противнику чувствительные поражения. Это подтверждается и событиями первых недель кампании — «первые указания Мольтке не имеют никакого сходства с “планом Шлиффена”» [15, S. 67]. Задачей немецкого правого крыла было «не маршировать в направлении Швейцарии, а атаковать приграничные укрепления французов с тыла» [15, S. 70]. При этом масштабное преследование противника не планировалось, поскольку заставило бы германские войска удалиться от своих железных дорог и тем самым потерять решающее преимущество — возможность быстрой переброски с одного фронта на другой.

Согласно Зуберу, «германским планом войны в августе 1914 г. был не план Шлиффена» [14, р. 145]. В августе-сентябре 1914 г. на северо-востоке Франции развернулась не гигантская кампания на окружение, а приграничное сражение, окончившееся победой германских войск с последующим преследованием отступавшего противника. Несмотря на ряд ошибок оперативного и стратегического руководства, победа была одержана благодаря общему превосходству немецкой пехоты. Парадоксально, но Зубер присоединяется к тем, кто полагает, что Мольтке не понял основополагающую идею Шлиффена; вместо того чтобы после первых побед перебросить

мощную группировку на Восточный фронт и там нанести оперативное поражение русской армии, шеф Большого генерального штаба организовал масштабное преследование французов, тем самым потеряв возможность маневрировать по внутренним линиям и допустив начало войны на истощение, в которой Германия не имела шансов на победу.

Что же представляет собой в таком случае знаменитый меморандум Шлиффена? Зубер обращает внимание на несколько важных аспектов. Во-первых, сил германской армии в меморандуме значительно больше, чем имелось в реальности. Шлиффен предлагал развернуть на Западе 96 дивизий — при том, что всего в германской армии их было 72. Во-вторых, в тексте содержится очень много произвольных допущений и неясностей (касательно темпов операции, переброски войск и т. д.), которые профессионал уровня Шлиффена попросту не смог бы игнорировать, если бы речь шла о серьезном проекте. В-третьих, меморандум описывал практически невероятный (даже в 1906 г.) случай войны против Франции без участия России. В-четвертых, документ был написан тогда, когда Шлиффен уже отошел от дел, и хранился в его семейном архиве. Таким образом, меморандум Шлиффена не являлся основой для германского военного планирования. На практике он применялся только для того, чтобы убедить политическое руководство в необходимости резкого увеличения численности сухопутных войск. «В реальности основной целью меморандума было предъяснить аргументы в пользу максимально возможной сухопутной армии» [15, S. 56].

Из своего тезиса Зубер делает далеко идущие выводы, выходящие за пределы чисто военной сферы. «План Шлиффена», пишет он, на протяжении многих десятилетий являлся краеугольным камнем в системе доказательств германской ответственности за развязывание Первой мировой войны, а также существования особо агрессивного германского милитаризма. «Без плана Шлиффена политическая и военная ситуация 1914 года выглядит совершенно иначе», — полагает Зубер. У германских военных не было планов агрессии [12, p. 303]. Кто же в таком случае является виновником начала мировой войны? Автор не дает прямого ответа на этот вопрос, заявляя, что он выходит за рамки собственно военной истории [16, p. 98]. В то же время Зубер неоднократно старательно подчеркивает: именно российская мобилизация, которая рассматривалась в Берлине (справедливо, по мнению Зубера) как пролог к неизбежному началу войны, вызвала ответную реакцию немцев [12, p. 264].

Взгляды Зубера получили определенную поддержку у ряда исследователей. К примеру, крупный британский военный историк Хью Стрэчен в целом согласился с его тезисами, касавшимися военного планирования [17], хотя и воздержался от однозначных выводов об оборонительном характере германских планов. Однако в целом сторонники Зубера оказались в явном меньшинстве.

План Шлиффена существовал!

Как и следовало ожидать, с самого начала идеи Зубера встретили весьма холодный прием в научном сообществе. Многие историки попросту проигнорировали его тезисы. К примеру, Х. Хервиг в опубликованном в 2009 г. исследовании «Марна, 1914» полностью повторил классическое описание «плана Шлиффена» [18, p. xii].

Другие исследователи, напротив, активно включились в дискуссию. Среди них следует особо выделить Т. Холмса, Р. Фоли, Г. Гросса и А. Момбауэр. Холмс, Фоли

и Гросс вели дискуссию на страницах журнала «War in History»; Фоли, Гросс и Момбауэр опубликовали свои статьи в упомянутом выше сборнике «План Шлиффена». Нельзя не упомянуть и фундаментальную монографию А. Момбауэр «Гельмут фон Мольтке и истоки Первой мировой войны», в которой автор также дискутирует с Т. Зубером [19]. Среди противников Зубера есть исследователи, придерживающиеся различных позиций; одни полностью отвергают его тезис, другие частично соглашаются с ним, однако спорят по ряду ключевых вопросов.

В первую очередь необходимо сказать, что практически никто из оппонентов Зубера не является сторонником созданного после Первой мировой войны мифа о безупречном и безальтернативном «плане Шлиффена». По словам А. Момбауэр, «картина, нарисованная в первые послевоенные годы, была тенденциозной и местами полностью искажала реальное положение дел» [19, р. 3]. Зубера упрекают в том, что он слишком узко трактует устоявшийся термин «план Шлиффена» — на самом деле последний «является кратким обозначением общей стратегии превращения грозившей войны на два фронта в две кампании, каждая из которых разворачивается на одном фронте; разумеется, Шлиффен и его современники не рассматривали меморандум 1905 г. в качестве четкого плана войны» [19, р. 74]. По словам Г. Гросса, «меморандум не являлся актуальным планом операций; он был оперативным сценарием, созданным на основе планов мобилизации и развертывания против Франции на 1906/07 год, и одновременно концентратом его [Шлиффена] оперативного мышления» [20, S. 90]. В другой публикации Гросс говорит о «базовой оперативно-стратегической доктрине, разработанной Шлиффеном» [21, р. 431].

Первой мишенью критиков стал анализ Зубером знаменитого меморандума Шлиффена 1905 г. По их мнению, этот документ был не абстрактной игрой ума и не ставил своей основной целью лоббировать увеличение сухопутной армии. Это был план кампании, который рассматривался и оценивался Г. фон Мольтке (младшим) именно в качестве такового, что подтверждается документами довоенных и военных лет. Наличие в меморандуме несуществующих дивизий не доказывает его абстрактный характер — подобный прием Шлиффен применял и в других случаях, рассчитывая, разумеется, на то, что некоторое время спустя потребности армии будут учтены. Создание дополнительных формирований после начала мобилизации также неоднократно рассматривалось в Большом генеральном штабе [22, р. 114]. Более того, как утверждает Т. Холмс, «все формирования, необходимые для реализации плана Шлиффена, имелись уже во время создания этого плана» [23, р. 114].

Не является весомым аргументом и тот факт, что меморандум был посвящен войне только против Франции — как свидетельствуют документы, Шлиффен действительно полагал, что после войны с Японией российская армия на некоторое время будет выведена из игры [24, S. 111]. Ряд критиков Зубера указывает на то, что он слишком примитивно трактует сам меморандум. На деле это сложный документ, который предусматривал не единственно возможный сценарий, а различные варианты действий. Так, захват Парижа с запада вовсе не был догмой; скорее, это был нежелательный сценарий на случай, если французы решат отступить вглубь страны [25, р. 213]. Не выдерживает критики и ссылка Зубера на то, что меморандум долгое время хранился в семейном архиве; в действительности существовало несколько копий этого документа.

Вторым направлением критики ревизионистской концепции является связь между меморандумом 1905 г. и другими документами, относящимися к германскому

военному планированию. В противоположность Зуберу, его оппоненты прослеживают четкую связь между планированием Большого генерального штаба в конце XIX — начале XX в. и меморандумом Шлиффена. Так, идеи развертывания главных сил армии на западе, обхода линии французских крепостей и нарушения бельгийского нейтралитета появились за несколько лет до 1905 г. [26, S. 147]. Как пишет Т. Холмс, «план представляет собой естественное продолжение предшествующих размышлений Шлиффена» [25, p. 209]. Аналогичная преемственность прослеживается между «планом Шлиффена» и последующим военным планированием эпохи Мольтке-младшего — «меморандум служил базой всех германских военных планов до 1914 г.» [27, p. 91]. Отличия «плана Мольтке» от «плана Шлиффена» объясняются в основном произошедшими в различных областях изменениями, заставлявшими внести коррективы в военное планирование.

Объектом критики является и подход Зубера к источникам. Фактически он использует лишь одну группу источников — уцелевшие документы Большого генерального штаба, практически игнорируя все остальные. И даже эту, сравнительно небольшую, группу он интерпретирует в соответствии с собственными представлениями. В то же время, по мнению Р. Фоли, слишком прямолинейная трактовка данных о штабных играх является некорректной — они использовались в основном для тренировки, и их сценарии не обязательно совпадали с реальными планами войны [24, S. 107]. Г. Гросс указывает также на то, что в ходе ряда штабных игр, вопреки утверждениям Зубера, рассматривался вариант масштабного охвата левого фланга французской армии [26, S. 140].

От критики отдельных сторон ревизионистской концепции исследователи переходят к опровержению ее основных выводов. К числу последних принадлежит идея о том, что доктрина Шлиффена была по сути своей оборонительной, а противник должен был быть разгромлен в ходе контрударов. По мнению Г. Гросса, контрнаступление было лишь одним из возможных вариантов и должно было применяться в случае значительного численного превосходства противника; Шлиффен явно предпочитал наступательную стратегию [26, S. 137].

Кроме того, наличие плана быстрого и полного разгрома Франции у германских военных подтверждается целым рядом документов, к примеру меморандумом Мольтке, направленным в декабре 1911 г. канцлеру и военному министру [28, S. 83]. Здесь, как и в других местах, Зубера упрекают в неумении видеть целостную картину прошлого. «Большой слабостью Зубера является то, что он изучает практически только оперативные аспекты германского планирования и практически игнорирует широкий контекст», — пишет Р. Фоли [24, S. 110].

Мишенью критики, наконец, стал тезис Зубера о том, что у Германской империи не было агрессивных планов. Оппоненты американского исследователя указывают на неоднократные выступления руководителей Большого генерального штаба с требованием начать превентивную войну [28, S. 82]. Они приводят слова самого Мольтке, подчеркивающего, что он собирается действовать наступательно. «Первые операции Германской империи были спланированы заранее и не являлись, как считает Зубер, реакцией на действия французов и британцев», — пишет А. Момбауэр [28, S. 96]. Именно немцы объявили войну своим противникам и начали наступление, нарушив нейтралитет Бельгии. Зубер объявляется преемником немецких политиков и историков межвоенного периода, пытавшихся любыми средствами опровергнуть

тезис о виновности Германской империи в развязывании войны. «Вновь при помощи произвольного отбора документов и их своеобразной интерпретации делается попытка вычеркнуть ключевой элемент тезиса о германской вине» [27, р. 115].

В то же время необходимо подчеркнуть, что оппоненты Зубера спорят с ним главным образом по проблемам непосредственно военного планирования. Упрекая ревизионистов в слишком узком подходе, слепоте в отношении общеисторического контекста, они, в свою очередь, отводят этим вопросам сравнительно небольшое место. Точно так же практически не затрагивается вопрос о роли «плана Шлиффена» в системе доказательств виновности Германской империи в развязывании Первой мировой войны.

Промежуточный итог

Может создаться впечатление, что приведенные выше возражения полностью опровергают концепцию Зубера. Именно так, в частности, трактуется результат дискуссии в новейшей «Энциклопедии Первой мировой войны» [29]. На деле дискуссия вокруг выдвинутого Зубером тезиса еще не завершена, хотя в последние годы ее интенсивность несколько снизилась. Сегодня уже можно сказать, что работы Зубера наряду с исследованиями других историков, выступающих в роли его критиков, привели к определенной корректировке взглядов на германское военное планирование в преддверии Первой мировой войны. Картина деятельности Большого генерального штаба в начале XX в. предстает перед нами более комплексной, чем это часто принято было считать.

Способствует продолжению дискуссии — и мешает поставить точку в данном вопросе — также состояние источниковой базы. Несмотря на упомянутое выше обнаружение новых документов, история германского военного планирования начала XX в. может быть восстановлена лишь фрагментарно. Прямых ответов на ряд важных вопросов по-прежнему нет. При этом нельзя исключать, что в дальнейшем будут обнаружены новые документы, восполняющие погибшие в 1945 г. фонды Имперского архива и позволяющие ликвидировать многие «белые пятна».

Подводя промежуточный итог дискуссии, представляется целесообразным разделить идею ревизионистов на несколько составляющих. Первая из них — критика тезиса о «непогрешимом плане Шлиффена, испорченном Мольтке», — является практически общепризнанной в научном сообществе. Исследователи признают, что в реальности история германского военного планирования была намного сложнее и многограннее, чем утверждали официальные немецкие историки. Меморандум Шлиффена не являлся инвариантным планом боевых действий, который Большой генеральный штаб попытался воплотить в жизнь в августе 1914 г. Речь, скорее, может идти о некоей концепции, наборе общих идей, характерных для германского стратегического планирования начала XX в. в целом.

К числу этих идей принадлежит уверенность в том, что предстоящая война будет войной на два фронта, в которой Германия столкнется с численно превосходящими силами противника. В связи с этим в начальной фазе кампании планировалось развернуть основные силы на одном из фронтов, причем уже в конце XIX в. для этого был однозначно выбран западный театр военных действий. Здесь им следовало действовать активно и добиваться решающего разгрома противника — Зубер

неоднократно воспроизводит идею Шлиффена о том, что «в войне на два фронта Германии нужны полные победы» [12, р. 173], уничтожение, а не ослабление противника. Кроме того, уже в первые годы XX в. идея о необходимости нарушения бельгийского нейтралитета присутствует во всех германских планах.

Этот набор идей слабо согласуется с тезисом Зубера о том, что германское военное планирование носило сугубо оборонительный характер. Не случайно именно эта составляющая его концепции является одной из главных мишеней критиков.

И, наконец, важным аспектом ревизионистской концепции является, по сути, отрицание агрессивных устремлений германской военно-политической элиты и особой ответственности Германии за развязывание Первой мировой войны. Совершенно очевидно, что столь сложная и комплексная проблема не может быть решена в процессе анализа стратегического планирования. Вопрос о германском милитаризме и «германской вине» намного шире, чем проблема «плана Шлиффена». Значение последнего часто преувеличивалось, в том числе отечественными историками, писавшими, что «принятие этого плана окончательно привело к преобладанию военной верхушки над политическим руководством империи» [7, с. 76]. Такая постановка вопроса позволяла на основании ревизии представлений о «плане Шлиффена» делать масштабные выводы о германской политической и военной стратегии в целом. Однако в действительности подобные выводы можно делать только на основе изучения всех аспектов проблемы, в том числе политических. Именно поэтому дискуссия о «плане Шлиффена», увенчавшаяся серьезным прогрессом в сфере изучения германского военного планирования, мало что меняет в нашем представлении о причинах Первой мировой войны в целом.

Литература

1. Куль Г. Германский генеральный штаб. М.: ГИЗ, 1922. 180 с.
2. Сороко-Цюпа О. С., Сороко-Цюпа А. О. Всеобщая история. Новейшая история. 9-й класс. М.: Просвещение, 2013. 304 с.
3. Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. Т. 1. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны СССР, 1938. 383 с.
4. История Первой мировой войны. 1914–1918. Т. 1. М.: Наука, 1975. 708 с.
5. Киган Д. Первая мировая война. М.: АСТ, 2004. 576 с.
6. Zuber T. The Schlieffen Plan Reconsidered // War in History. N 6 (3). 1999. P. 262–305.
7. Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. М.: Наука, 2002. 686 с.
8. Ерин М. Е. Рец. на кн.: Элерт Ханс, Эпкенханс Михаел, Гросс, Герхард. План Шлиффена. Исследования и документы. Падерборн: Шенинг 2006 // Perspectivia.net. 2009. URL: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/recensio-moskau/2009-2/Jerin_Schlieffenplan (дата обращения: 30.06.2014).
9. Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2007. 495 S.
10. Ерин М. Е. Был ли план Шлиффена? Спор историков // Вестник Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова. Сер.: Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 5–8.
11. Алпеев О. Е., Козлов Д. Ю. «Неизвестная война»: англо-американская историография Восточного (Русского) фронта Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2014. № 4. С. 66–71.
12. Zuber T. *Inventing the Schlieffen plan. German War Planning 1871–1914*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 356 p.
13. Zuber T. *German War Planning, 1891–1914: Sources and Interpretations*. Woodbridge: Boydell Press, 2004. 324 p.
14. Zuber T. *The Real German War Plan 1904–1914*. Stroud: The History Press, 2011. 192 p.
15. Zuber T. *Der Mythos vom Schlieffenplan // Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2007. S. 45–78.
16. Zuber T. The 'Schlieffen Plan' and German War Guilt // War in History. N 14 (1). 2007. P. 96–108.

17. *Strachan H.* The First World War. Vol. 1: To Arms. Oxford: Oxford University Press, 2001. 1227 p.
18. *Herwig H.* The Marne 1914. New York: Random House, 2009. 166 p.
19. *Mombauer A.* Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 325 p.
20. *Gross G.* Mythos und Wirklichkeit. Geschichte des operativen Denkens im deutschen Heer von Moltke d.Ä. bis Heusinger. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. 361 S.
21. *Gross G.* There Was a Schlieffen Plan: New Sources on the History of German Military Planning // *War in History*. N 15 (4). 2008. P. 389–431.
22. *Holmes T.* The Real Thing: A Reply to Terence Zuber's 'Terence Holmes Reinvents the Schlieffen Plan' // *War in History*. N 9 (1). 2002. P. 111–120.
23. *Holmes T.* All Present and Correct: The Verifiable Army of the Schlieffen Plan // *War in History*. N 16 (1). 2009. P. 98–115.
24. *Foley R. T.* Der Schlieffenplan. Ein Aufmarschplan für den Krieg // *Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2007. S. 101–117.
25. *Holmes T.* The Reluctant March on Paris: A Reply to Terence Zuber's 'The Schlieffen Plan Reconsidered' // *War in History*. N 8 (2). 2001. P. 208–233.
26. *Gross G.* There was a Schlieffen Plan. Neue Quellen // *Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2007. S. 117–160.
27. *Foley R. T.* The Real Schlieffen Plan // *War in History*. N 13 (1). 2006. P. 91–115.
28. *Mombauer A.* Der Moltkeplan: Modifikation des Schlieffenplans bei gleichen Zielen? // *Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2007. S. 79–100.
29. *Cornelissen C.* Schlieffen-Plan // *Enzyklopädie Erster Weltkrieg*. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2014. 819 S.

Статья поступила в редакцию 3 июля 2014 г.